

вероятно, с собственноручной подписью Эйнхарда; элементы декора дворцовой часовни и собора в Ахене (кон. VIII в.) [7, р. 261; 6, р. 60, 63–68; 8, р. 23–24; 1, р. 13; 4, р. 12]. Отмечается, что это те немногие объекты и предметы рукотворного творчества, которые с уверенностью могут быть приписаны Эйнхарду [6, р. 60; 63–68; 1, р. 13], хотя не представляется возможным установить долю участия или выявить роль Эйнхарда, которую он мог играть в их создании.

Рассматриваются также свидетельства о поручении короля Карла Эйнхарду курирования строительства церкви св. Вандриля (позднее, аббатство Сен-Вандриль, ставшее одним из основных центров христианской учености и книгоиздания) [3, р. 32]; о его возможном руководстве возведением Ахена [Gesta ab. Font. 17 // MGH: SRG, р. 50]; собирательстве и коллекционировании древних латинских текстов [Lup. Ep. 1 // PL 119, 431D – 436A]. Показано, что сам Эйнхард не стремился подчеркнуть свои склонности, умения и заслуги ни во времена правления Карла, ни в период властвования Людовика, что возможно объяснить как его личными качествами (напр., скромностью), так и поведенческими мотивами, ориентированными на самосохранение в период междоусобных войн и политических потрясений (814–843) [Wal. Prol. v. 5–15: 11, с. 8], стремление к уединению и созиданию [Einh. Transl. I, 1; 13, с. 295].

В заключение отмечается, что, несмотря на то, что репрезентация исторических фактов всегда является их интерпретацией, избранные и применяемые нами методы и подходы к изучению средневековых источников могут быть задействованы при воспроизведении более масштабных, связанных с личностью далекого прошлого, исторических событий.

1. Beckwith, J. Early Medieval Art. Carolingian. Ottonian. Romanesque. World of Art / J. Beckwith. – London : Thames and Hudson, 1992. – 270 p.
2. Belting, H. Der Einhardsbogen / H. Belting // Zeitschrift für Kunstgeschichte. – 1936. – No 36. – P. 93–121.
3. Brown, G. The Carolingian Renaissance / G. Brown // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 1–54.
4. McKitterick, R. The legacy of the Carolingians / R. McKitterick // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 317–323, plate 12.
5. De Montesquiou-Fezensac, B. L'Arc de triomphe d'Einhardus / B. de Montesquiou-Fezensac // Cahiers archéologiques. – 1949. – No 4. – P. 73–109.
6. Dutton, P. E. Charlemagne's courtier. – Broadview press, 1998. – li + 198 p.
7. Henderson, G. Emulation and invention in Carolingian art / G. Henderson // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 248–273.
8. Lasko, P. Ars sacra 800–1200 / P. Lasko. – Harmondsworth, 1972. – xxix + 338 p.
9. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : НаукаБ, 2003. – 486 с.
10. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф ; пер. с франц. В. И. Матузовой. – М. : Ладомир, 2001. – 800 с.
11. Петрова, М. С. Эйнхард. Жизнь Карла Великого (с прологом Валафрида Страба) / М. С. Петрова ; пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой // Историки каролингской эпохи. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 7–34; 223–228.
12. Петрова, М. С. Эйнхард – биограф Карла Великого / М. С. Петрова // Карл Великий. Реалии и мифы / ред. А. А. Сванидзе. – М. : ИВИ РАН, 2001. – С. 57–74.
13. Петрова, М. С. Эйнхард. Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра. Кн. I / М. С. Петрова ; пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой // Средние века. – 2004. – Вып. 65. – С. 295–310.
14. Петрова, М. С. Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла / М. С. Петрова // История через личность: историческая биография сегодня / ред. Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2005. – С. 641–703.
15. Петрова, М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) / М. С. Петрова // Quaestio Rossica. – Т. 10, № 3. – С. 939–954.

Левшун Л.В.

ЖИТИЕ ПРЕП. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ О МЕТОХИИ СВ. СОФИИ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИТИЙНОГО ТЕКСТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Исследовав, могут ли житийные тексты использоваться в качестве исторических источников, В.О. Ключевский отметил: поскольку книжник «не ставил воспроизведения факта главной задачей своего труда и искал самой надежной опоры для своего повествовательного авторитета не в свойстве фактических источников», то, «как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка <...> Житие и историческое повествование различно относятся к предмету и второе не может брать явление в том виде, в каком дает их первое» [10, с. 337, 339, 355].

Однако, специфически относясь к своему предмету изображения, житие, тем не менее, может вполне адекватно фиксировать события исторической действительности. И при адекватном материалу методе интерпретации житийное повествование, безусловно, может и должно рассматриваться в ряду исторических источников. Чтобы доказать это, обратим внимание на один эпизод Жития преп. Евфросиньи Полоцкой, не замеченный пока историками. А именно – на известия о метохии Св. Софии в Сельце и ее состоянии на момент прихода туда Преподобной.

Напомню, согласно сюжету Жития, преп. Евфросинья и епископу Илье в одну и ту же ночь случается видение: «...поим ю [Евфросинию – Л.Л.] аггел и веде ю идеже бе **церковьца Святаго Спаса**,

метохия святых Софии, яже зовется от людей Сельце» В подобном же видении ангел велит епископу Илии: *«Введи ю, рабу Божию Евфросинью, в церковь Святаго Спаса на рекомое Сельце, место бо то святое есть»*; наконец, доносит до нас слова епископа Ильи: *«То се есть церковьца Святаго Спаса в Сельци, идеже братья наша лежат – прежде нас бывши епископи»* [13, с. 213].

Как правило, определение *«идеже братья наша лежат»* историки однозначно относят к «церковье Святаго Спаса», а эту последнюю на данном основании отождествляют с епископской усыпальницей. Так, преосвященный Антоний (Мельников) пишет: *«Здесь в Спасской церкви издавна погребались предшественники Илии на Полоцкой кафедре»* [2, с. 9; ср.: 1, с. 84; 8, с. 361; 9, с. 247; 12, с. 7; 16, с. 222–223 и др.].

Вместе с тем еще Н.Н. Воронин полагал, что в Житии прп. Евфросиньи речь идет, возможно, о небольшой деревянной церкви, которая имела в Сельце к моменту переезда туда юной монахини [6, с. 264]. Исследователь, видимо, основывался на замечании свт. Дмитрия Ростовского (1651–1709), отметившего в своем изложении жития Преподобной, что в Сельце была «церков мала древяная» [7, л. 639]. Однако и в более ранних списках обеих пробложных редакций ничего не говорится о том, что этот маленький Спасов храм был епископской усыпальницей. *«Бысть ей божественное повеление <...> преселитися к церкви Спаса всех в Сельцо»* [291: РНБ, Тит. № 239, л. 395 б]; *«по извещению же аггелову изыде <...> идеже церковица Святаго Спаса, метохия Святых Софии»* [294: ЦБ АН Литвы. Ф.19-98, л. 356 б].

Действительно, в ходе археологических работ на территории Спасо-Евфросиниевского полоцкого монастыря в 2015 г. были выявлены остатки древней деревянной церкви неподалеку от стены каменного Спасского храма [см. 3]. Фундаменты же и фрагменты стен храма-усыпальницы, возведенного в конце XI – начале XII в. из плинфы, были раскопаны еще М.К. Каргером в 1961–1964 гг. [см. 9; ср. 1, с. 83–84; 14, с. 150, 159].

Археологические данные позволяют историкам утверждать, что в конце XI в. Всеслав Полоцкий с сыновьями и «лучшими людьми» начал монументальное строительство в Сельце и Бельчицах: соответственно – епископской и княжеской резиденций [см. 8, с. 368]. И усыпальницей епископов в Сельце стал храм, построенный и прекрасно декорированный в последней четверти XI – в самом начале XII в. [см. 11, с. 3; 9, с. 244; 5, с. 99; 8, с. 284, 359, 361, 362; 14, с. 150, 159; 1, с. 83–84 и др.]. Предполагается, что этот храм был освящен во имя вмч. Георгия Победоносца, поскольку позднее Сельце известно в народе как «Спас-Юревичи» [18, с. 60 со ссылкой на 15, с. 107].

Известно, что Георгиевские храмы были весьма распространены на Руси. Традицию почитания вмч. Георгия основал, видимо, князь Ярослав-Георгий (Мудрый), построив в 1030 г. после победы над чюдью Юрьев храм под Новгородом, а в 1036 г., после победы над печенегами, – монастырь вмч. Георгия в Киеве. В день освящения киевского храма – 26 ноября (по старому стилю) – князь повелел по всей Руси ежегодно «творить праздник» вмч. Георгия.

Безусловно, почитался вмч. Георгий Победоносец и в Полоцком княжеском доме. И здесь необходимо упомянуть о существовавшем в древней Руси обычае именнаяречения княжича в честь дяди: между братьями-князьями заключался особого рода договор, согласно которому тот из братьев, кто переживет другого, принимает под свое покровительство племянников. Ближайший родившийся после этого княжич получал имя дяди и становился чем-то вроде живой печати на таком договоре [см. 17]. Таким образом, имя Георгий могло быть крестильным у Брячислава Изяславича Полоцкого и свидетельствовать о заключении подобного договора между его отцом и дядей – единоутробными братьями Изяславом и Ярославом (Георгием в крещении) Владимировичами, сыновьями Владимира Великого. Имя Георгий могло быть наречено в качестве крестильного и Всеславу Брячиславичу в подтверждение подобной договоренности между Брячиславом Изяславичем и Ярославом-Георгием (будущим Мудрым) в 1021 г., поскольку в «Хронике Быховца» отцом Бориса Полоцкого назван Юрий (русифицированная форма греческого имени Георгий). Но и наречение младшего из Всеславичей (отца прп. Евфросиньи) Святославом-Георгием может быть объяснено тем, что родовое имя дано ему в честь Святослава Ярославича, который занял Киевский стол в 1073 г. и с которым Всеслав Полоцкий постарался таким образом упрочить отношения, а крестильное – в честь отца князя Святослава, все того же Ярослава-Георгия (Мудрого).

Но выстроенный Всеславом Брячиславичем в Сельце епископский монастырь с храмом во имя вмч. Георгия, простояв около двух десятков лет, сильно пострадал от пожара. Можно даже предположить, когда и при каких обстоятельствах это произошло. Из летописей мы узнаем, что в 1124 году на Руси случилась страшная засуха: «в се же лето бысть бездождие», – отметили многие летописцы, – и землетрясение, которое разрушило «великую церковь Св. Михаила» в Переяславле. Засуха вызвала пожары; в частности, сгорел почти весь Киев – 600 церквей и «без числа людей и всякой живности» [4, с. 250]. Не исключено, что в это засушливое лето пострадала от пожаров и Полоцкая земля. Археологические данные свидетельствуют о том, что епископская усыпальница в Сельце

пострадала именно от огня, так что свинец, покрывавший крышу, расплавился и протек в погребальные камеры [см. 8, с. 363]. Тот же пожар, видимо, погубил и другие (деревянные) постройки загородного епископского монастыря. Заметим в доказательство нашего предположения, что епископ Илия, отправляя Евфросинию по повелению ангела в Сельце, надеется, что та Божьим поспешением «*возградит¹ место то велико*» [13, с. 213], то есть предполагается, что сейчас оно находится в запустении.

То обстоятельство, что ангел назвал Сельце и находящуюся в нем метохию Св. Софии «*святым*», а владыка Илия «*великим местом*», «*идеже братья наша лежат – прежде нас бывши епископи*» [13, с. 213], заставляет думать, что в разрушенной пожаром (а, возможно, и землетрясением) епископской усыпальнице был погребен не только недавно умерший епископ Мина († 1116), но и все до него бывшие, неизвестные ныне по именам, полоцкие епископы, начиная со времен Изяслава Владимировича [ср. 9, с. 244; 8, с. 362; 16, с. 223].

Возможно, именно после пожара 1124 г., когда епископский монастырь в метохии Св. Софии был разрушен, его братия осталась без крова, а Полоцкая епархия без загородной резиденции, Полоцкий князь Борис Всеславич (дядя Преподобной) предложил епископу Илье переселить владычную обитель в Бельчицу, в княжескую загородную резиденцию, где для этого было все необходимое. Эта догадка подтверждается отчасти замечанием «*бе бо прежде метохиа Святыя Софиа*» [13, с. 291] в списке Проложной I. Того же мнения придерживаются и некоторые историки. «В синхронных его строительству летописях, – пишет, например, Э.М. Загоруйский, – монастырь [в Бельчице – Л.Л.] не упоминается, но в поздних западнорусских летописях XVI в. он уже фигурирует как именно Борисоглебский. Можно предполагать, что до того, как здесь сформировался мужской монастырь, Бельчица была прежде всего загородной резиденцией полоцких князей, которая постоянно пополнялась все новыми храмовыми постройками» [см. 8, с. 368].

Все эти обстоятельства (если учитывать к тому же и историю развития текста Жития [13, с. 116–194]) позволяют утверждать, что собственно «малая деревянная церковька Святаго Спаса» отнюдь не являлась епископской усыпальницей, а находилась неподалеку от нее и даже вряд ли входила в монастырский комплекс загородной епископской резиденции, будучи, скорее, приходским храмом жителей Сельца. Иначе говоря, определение «идеже братья наша лежат» относится не собственно к «церковьке Святаго Спаса», а ко всему поселению Сельце, которое являлось метохией Святой Софии и в котором находились и епископская усыпальница (на территории мужского монастыря), и небольшая приходская деревянная церковька Святаго Спаса, построенная ранее монастырского комплекса.

Наиболее точно, как видится, будущее место подвизания Преподобной описано в редакции Жития, созданной свт. Димитрием Ростовским (несмотря на все иные неточности этого повествования): «*мѣсто нарицаемое Селце, идѣже бѣ метохіа святыя Софіи и церков мала древяная Спасителя*» [7, л. 639]. И далее уточняется, что епископ передает монахине не собственно «метохию Святой Софии» с усыпальницей полоцких владык, а конкретно «*мѣсто святаго Спаса на Селци, яко да будет тамо монастыр дѣвическ*» [7, л. 639].

Возможно, особое замечание епископа Илии – «*по моем животе никтоже не посудит моего даниа*» [13, с. 214] – было вызвано именно тем, что монахине было отдано место в непосредственной близости от бывшей епископской усыпальницы и существовавшего при этом храме мужского монастыря, пусть и бездействующего в момент передачи. Такое «дание» могло показаться неблагодарным, хотя и имело священную аналогию в Житии прп. Евфросиньи Александрийской, небесной покровительницы Преподобной.

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – Кн. 2. – М. : Наука. – 2006. – 167 с.
2. Антоний (Мельников). Преподобная Евфросинья Полоцкая / преосвящ. Антоний (Мельников) // Богословские труды. – 1972. – Т. IX. – С. 5–14.
3. Археологические исследования у древнего Спасского храма в 2018 году [Электронный ресурс] // Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=14136. – Дата доступа: 29.03.2020.
4. Борисенков, Е. П. Свод экстремальных природных явлений, отмеченных в русских летописях / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий // Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М., 1988. – 523 с.
5. Булкин, В. А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода / В. А. Булкин // ΣΟΦΙΑ: сб. статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. – М. : Северный паломник, 2006. – С. 89–100.
6. Воронин, Н. Н. У истоков русского национального зодчества / Н. Н. Воронин // Ежегодник Ин-та истории искусств. – М., 1952. – С. 257–316.

¹ Возгражду, возградити сов. – восстановлю, вновь [по]строю (см. Невоструев, А. И. Словарь речений из богослужебных книг [Электронный ресурс] / А. И. Невоструев. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/search?q=%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B8>. – Дата доступа: 07.02.2014).

7. Димитрий (Туптало). В той же день, житие преподобная матере наша Евфросинии девици, игумении обители Святого Спаса в Полотску / Димитрий (Туптало) // Димитрий (Туптало). Книга житий святых (на славянском языке). – Кн. 3 : Март, апрель, май / Димитрий (Туптало), митр. Ростовский. – К-Печ. лавра, 1700. – Л. 638–642б.
8. Загорульский, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорульский. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 528 с.
9. Каргер, М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке / М. К. Каргер // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 240–247.
10. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва: Астрель, 2003. – 395 [5] с.
11. Памяти действительного члена Витебской ученой архивной комиссии Ивана Ивановича Долгова, †5 октября 1911 г. в г. Полоцке / [Д. Леонардов]. – [Витебск : б. и., 1911?]. – 11 с.
12. Майоров, А. В. Печать Евфросиньи Галицкой из Новгорода / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2. – С. 5–25.
13. Мельнікаў, А. А. Еўфрасіння Полацкая / А. А. Мельнікаў // 3 неапублікаванай спадчыны / А. А. Мельнікаў. – Мінск : Четыре четверти, 2005. – С. 14–315.
14. Раппопорт, П. А. Полоцкое зодчество XII века / П. А. Раппопорт // Советская археология. – М., 1980. – № 3. – С. 142–161.
15. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. – СПб., 1890. – Вып. 1. – С. 103–108.
16. Скобцова, Д. А. Фрагменты фресок храма-усыпальницы Евфросиниева монастыря в Полоцке из фондов Новгородского музея-заповедника / Д. А. Скобцова // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2013. – № 3. – С. 222–227.
17. Успенский, Ф. Б. Язык династических имен в Домонгольской Руси [Электронный ресурс] / Ф. Б. Успенский // Синергия. – Режим доступа: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3140&id=4797. – Дата доступа: 29.09.2017.
18. Хозеров, И. М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. / И. М. Хозеров. – Минск : Наука и техника, 1994. – 151 с.

Вардомацкий Л.М.

«РЕЧЬ ИВАНА МЕЛЕШКИ...»: К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Активно развивавшееся во второй половине XX века, благодаря трудам А.И. Журавского, В.В. Аниченко, А.М. Булыко, Е.И. Янович, И.И. Крамко, Л.М. Шакуна и других исследователей, белорусское историческое языкознание, опиравшееся, в свою очередь, на принципы этнологического подхода к изучению истории языка, сформулированные еще в начале века академиком Е.Ф. Карским, заложило серьезный фундамент научного осмысления как внутриязыковых, так и экстралингвистических процессов, протекавших в разные исторические эпохи на территории современной Беларуси. Однако в первой четверти нового тысячелетия интерес к таким исследованиям заметно снизился. А между тем, сегодня, в силу новых знаний и нового взгляда на социально-исторические процессы, протекавшие на территории современной Беларуси в разные исторические эпохи, появляются и новые возможности разносторонне и объективно оценить, казалось бы, достаточно известные, но на самом деле все еще многое скрывающие в ткани своих слов и синтаксических конструкций тексты, несущие в себе явные и скрытые сведения о быте, нравах, языке, культуре, мировоззрении народа. «Расшифровка» таких текстов, проникновение в их внутренний мир требует нового, пристального, пусть даже дискуссионного взгляда на них языковедов и историков.

Среди таких текстов – памятник белорусского языка и белорусской письменности, известный под названием *«Речь Ивана Мелешка, каштеляна Смоленскаго...»*, о котором М. Вишневецкий почти 170 лет назад писал: *«Очень интересным достоянием белорусского языка, а вместе с ним и народной белорусской речи 16 века, является "Речь Мелешки, каштеляна смоленского..."* [7, с. 480. Здесь и далее по тексту перевод на русский язык наш. – Л.В.]

Этот текст неоднократно и в разные времена становился объектом исследований историков, языковедов, литературоведов, палеографов, этнографов. И все же было бы неправильным сказать, что он широко и всесторонне описан исследователями и доступен современным историкам, литературоведам и лингвистам как с точки зрения установления истории его создания, авторства, так и его содержания, соотношения с социально-политическим пространством. И здесь следует признать, что отдельные факты и элементы, связанные с этим текстом, по-прежнему являются белыми пятнами.

Например, ни в самом тексте документа (в известных нам изданиях), ни в авторском предисловии или послесловии, которых в документе нет, ни после текста в виде подписи – нигде не присутствует фамилия или подпись *«Мелешка»*, или *«Иван Мелешка»*, или что-либо тому подобное. Н.Ф. Сумцов, например, в статье *«Речь Ивана Мелешка как литературный памятник»* высказывает мнение, что *«В действительности нет никаких данных для того, чтобы автором речи считать смоленского каштеляна Мелешка. Причем само имя автора может быть вымышленное...»*. А сама *«Речь Мелешки...»* – это *«чисто литературный памятник – политический памфлет и бытовая сатира конца XVI в.»* [5, с. 196].

Так кто и когда «авторизовал» этот памятник письменности? Вопрос этот до сих пор остается без ответа. Обратим здесь внимание лишь на один странный с лингвистической точки зрения факт. Весь текст, включая самое первое предложение – обращение к делегатам сейма, построен и передается от первого лица. Дейксисом, указателем на действующее лицо здесь как раз является